

8. См: Травинка В. Разыщи в себе радость. СПб.: Питер-Пресс, 1996. 256 с.; Малахов Г. Укрепление здоровья в пожилом возрасте. СПб.: Комплект, 2000. 493 с.; Пучко Л. Биолокация для всех. Система самодиагностики и самоисцеления человека. М.: АНС, 2006. 320 с.

9. Губин Е., Некрасова Е. Философская антропология. М.: ПЕР СЭ, 2000. 240 с.

10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 8. 511 с.

Ирина Александровна ГРОШЕВА —
зав. кафедрой философии, истории и социологии
Тюменской государственной академии мировой
экономики, управления и права,
кандидат социологических наук, доцент
grosh@nextmail.ru

УДК 301.085:178

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

SOCIAL CONTROL AS A MECHANISM OF DEVIATION CONSTRUCTING

АННОТАЦИЯ. Под социальным контролем понимают самые разнообразные средства, которые любое общество применяет для минимизации социальных отклонений. Любая концепция социального контроля является неполной, вводит в заблуждение, если не учитывает элемент манипуляции. Следовательно, социальный контроль изначально конструирует девиантное поведение в современном обществе.

SUMMARY. Social control includes the most diverse means which any society uses to minimize social deviation. Any conception of social control is incomplete and misleads if it doesn't take into account the element of manipulation. Consequently social control from the very beginning creates deviant behaviour in the contemporary society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальный контроль, личность, общество, социальный порядок, жизненные стандарты.

KEY WORDS. Social control, person, society, social order, standard of living.

Социальный контроль является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Им обозначают самые различные средства, при помощи которых любое общество сдерживает проявление нежелательных явлений. Методы контроля различаются в зависимости от целей и характера конкретной группы. У. Реклесс, создавший теорию сдерживания, считал, что индивида подталкивают к девиантным действиям такие внешние социальные силы как бедность и раздоры, групповой статус меньшинств, ограниченный доступ к достижению успеха в жизни, соблазны, образцы криминального поведения, реклама, пропаганда, делинквентные субкультуры и т.д. [1]. Когда индивид находится во власти этих сил, он имеет гораздо большую вероятность нарушить социальную норму. Особенным трансформациям подвержен сегодня формальный социальный контроль в социально-экономической и политико-юридической сферах. При разрушении институционального каркаса общества, когда возникает институциональная инверсия, которая изменяет историческую последовательность и причинно-следственные связи в формировании институциональной структуры, возникают так называемые институциональные ямы. Это как раз тот случай, когда общество остается в переходном состоянии, а механизм, разрешающий

возникающие противоречия, по каким-либо причинам либо исчезает, либо приобретает совершенно иные свойства, латентные по своей природе. Институциональная яма — это такая институциональная среда, в которой одновременно присутствует необходимость институциональных изменений, и отсутствуют институциональные механизмы таких изменений [2; 60]. Парадоксально, но факт: социальный контроль, призванный сдерживать проявление социальных отклонений в обществе, побуждая индивида соблюдать установленные нормы, сам порождает социальные отклонения. В настоящий момент в условиях российского социума сложилась как раз та самая институциональная яма, о которой говорил профессор А.А. Гриценко. При рассмотрении девиаций (от первичных до вторичных ее форм) в контексте институциональных изменений следует опираться на следующие постулаты. Во-первых, социальные отклонения порождены обществом; во-вторых, они развиваются под действием объективных факторов и по определенным законам, заданным социальной средой; они статистически устойчивы; повлиять на количество девиантных проявлений можно только при помощи улучшения социальных условий. В том случае, когда агенты формального социального контроля в виде государственных законодательных органов стремятся минимизировать социальные отклонения, принимая множество нормативно-правовых актов, игнорирующих социальные законы и закономерности (либо не принимают во внимание жизненно важные нормы), они создают аномичное общество, где индивиды начинают жить по своим, придуманным ими нормам, которые далеко не всегда являются законными. Тогда законодатели принимают новые законы, чтобы нивелировать появившиеся отклонения и так может продолжаться до бесконечности, поскольку возникает эффект «институциональной петли». В настоящее время, пытаясь регламентировать жизненные стандарты российских граждан, государство сделало декларируемые нормы жизни девиантными. Опираясь на концепцию П. Бергера, можно утверждать, что сегодня любая теория социального контроля будет неполной, а следовательно, будет вводить в заблуждение, если не примет в расчет элемент обмана и манипуляции [3; 72].

Б.А. Кистяковский, рассматривая в начале XX в. истоки трансформации правосознания русского народа, произошедшей на основании искажения функций социального контроля, ссылался на слова А.И. Герцена, которые были написаны еще в начале 50-х годов XIX в.: «правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [4; 373]. Причем известный юрист не отрицал существования и таких законов, которыми иногда даже преднамеренно оказывается покровительство интересам экономически более сильной части населения в ущерб экономически более слабой его части. Далее, вследствие чрезвычайной сложности и запутанности современных социальных отношений, с одной стороны, и теоретической неразработанности научных принципов законодательной политики и законодательной техники с другой, новые законы часто оказываются очень неудачно сформулированными, а потому при применении их толкуют во многих случаях в угоду более сильным и в ущерб более слабым [4; 377].

Государство регламентирует нашу жизнь при помощи государственных социальных стандартов, которые являются средством регулирования социальных отношений. Но эффективной эта система бывает только в том случае, если будет соответствовать потребностям членов общества. Нормативное регулиро-

вание и социальный контроль касаются всех сфер жизни современного человека, и уровень его дохода наряду с другими основаниями социальной стратификации позволяют индивиду чувствовать свою принадлежность к какой-либо группе или обществу в целом. Сторонники концепции стигматизации [5] подчеркивают, что изменения в социальных стандартах жизни (как частный случай стандартов потребления) могут привести к исключению его из социальной группы. Как агент социального контроля государство устанавливает некий минимальный набор гарантий, которые легитимизируют существование индивида и экономически поддерживают в обмен на лояльность и готовность выполнения ряда функций. Целью такого вмешательства является создание иллюзии выведения из-за пределов нижней границы социальной нормы максимального количества людей, которые не способны самостоятельно обеспечить удовлетворение своих базовых социальных потребностей на рациональном уровне. Уровень развития человеческого потенциала определяет объем предоставляемой государством социальной помощи в рамках реализации социальных гарантий. Проблема заключается в методологии определения этого объема через выявление баланса между уровнем, при котором распространяется социальное иждивенчество и уровнем, когда часть населения уже не может воспроизводить себя в бытовом, культурном, социальном планах и деградирует, способствуя при этом деформации социальной основы общества.

Бедность является фактором социальной напряженности. Несправедливое распределение доходов, по их мнению, провоцирует бедные слои населения на совершение преступлений и к насильственным методам политической борьбы. История свидетельствует, что во время различных социальных потрясений именно бедные составляли их основу и стремились «грабить награбленное». Даже если бедные не совершают актов насилия в отношении других людей, общество, в котором они живут, все равно несет потери. Трагична «наследуемая» бедность, когда дети беднейших социальных слоев при одинаковых способностях имеют гораздо меньше шансов самореализоваться, чем их сверстники, родившиеся в семьях с нормальным достатком.

Следует отметить тот факт, что причины глобального кризиса системы трудовых отношений, начавшегося задолго до мирового финансового кризиса, связаны с застарелыми проблемами «остаточного» подхода к вопросам социального развития. Конвенции и рекомендации Международной Организации Труда (МОТ) появились не просто так, а как реакция на ту или иную кризисную ситуацию, чтобы в будущем предотвратить развитие по кризисному сценарию. И нарушение принципов конвенций МОТ, включенных в наше законодательство, как раз и создает предпосылки экономических потрясений. В соответствии с принятой в 1970 г. Конвенцией МОТ № 131 установленная минимальная заработная плата имеет силу закона и не подлежит понижению, а неприменение этого положения влечет за собой уголовные или иные санкции. В документе сформулированы такие критерии определения уровня минимальной заработной платы, как потребности трудящихся и их семей, стоимость жизни, общий уровень заработной платы и социальных пособий, производительность труда, поддержание высокого уровня занятости. [6] Данная Конвенция МОТ Российской Федерацией не ратифицирована. В течение семи лет рассматривается (или не рассматривается) в Государственной Думе законопроект «О минимальных государственных социальных стандартах» (проект № 209727-3).

У нас в стране отсутствует целостный подход к стандартизации уровня жизни, несмотря на тот факт, что ряд отдельных законопроектов был принят.

Прецеденты установления региональных социальных стандартов уже существуют в ряде регионов России, в частности, в Республике Татарстан, Башкортостане, Ямало-Ненецком автономном округе. Однако понятие «достойная жизнь» расплывчато, подвержено трансформации, поскольку обусловлено экономическими условиями жизни общества.

Величина минимального размера заработной платы (МРОТ) обычно определяется посредством исчисления ранее утвержденного прожиточного минимума, который рассчитывают по нормативам удовлетворения минимальных потребностей в товарах и услугах с учётом уровня цен, и должна соответствовать ему. Если такого соответствия нет, это свидетельствует об отставании экономического развития страны или несовершенстве существующей системы распределения, так как минимальная заработная плата — одна из составных минимальных гарантий государства. Однако при такой ситуации среднегодовое соотношение МРОТ и прожиточного минимума всегда будет ниже 100%. По сути это схема, в которой гарантия, устанавливаемая на завтрашний день, основывается на вчерашних (заниженных) потребностях. МРОТ, устанавливаемый с 1 января 2010 г., должен быть равен среднему прожиточному минимуму за 2010 г. Проблема заключается в том, что он не определен. К тому же в законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие его применение.

К примеру, величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в I квартале 2010 г. на юге Тюменской области составила 5778 руб. в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре — 9092 рубля, в Ямало-Ненецком автономном округе — 9723 рубля [7; 253]. А минимальная заработная плата осталась установленной Федеральным законом от 24 июня 2008 года № 91-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» на уровне 4330 рублей.

Соответствие минимальной заработной платы потребительскому минимуму возможно лишь при стабильной экономической ситуации и определенном высоком уровне производства. В условиях кризиса экономики минимальный размер оплаты труда и иных социальных выплат определяется исходя из реальных экономических условий. Как ни парадоксально звучит, но при помощи социального нормирования происходит конструирование бедности. Элементарные манипуляции с цифрами приводят к снижению или повышению порога бедности. Можно включить или исключить (или уменьшить норматив потребления) из потребительской корзины продукт, цена на который повысилась. Авторы-разработчики прожиточного минимума предлагают гражданам нормы потребления основных продуктов, товаров и услуг. Например, мяса и рыбы в среднем на одного трудоспособного человека — в два раза ниже научно обоснованных норм, а расходы на производственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи рассчитываются исходя из доли затрат на эти цели в бюджетах низкодоходных домашних хозяйств. Только за последние четыре года услуги ЖКХ удвоились и составляют в расходах населения около 20%, а в 2010 году еще выросли на 18% в среднем по России. В то время как в США в течение 42 лет неизменно в расходах населения услуги ЖКХ составляют 5-6%, в странах ЕЭС — 8-10%. Страшно звучит, но бедность многодетных семей в России находится в прямой зависимости от количества детей в семье. Если ориентироваться на наблюдаемые доходы, то практически все многодетные семьи (трое и более детей) попадают в категорию бедных. Средний дефицит дохода данной группы семей составляет 61,2% от прожиточного минимума, большинство многодетных семей имеют доходы ниже половины стоимости минимальной по-

требительской корзины. Государство стремится поддерживать такие категории населения посредством различных льгот и пособий, но эта поддержка составляет всего 8,2% в доходах многодетных семей. Основным государственным пособием до шестнадцатилетнего возраста остается пособие из регионального бюджета от 100 до 300 рублей на одного ребенка, в зависимости от региона, а чтобы получить другую поддержку, надо собрать массу справок, ходить по различным инстанциям, и это, как правило, бывает разовая помощь (поддержка). Для сравнения: в странах ЕЭС пособия на ребенка составляют 60-80% от средней зарплаты и выплачиваются до 18-19 лет, то есть до завершения обучения в средней школе [8].

Такое положение дел не может не сказаться на социальном самочувствии населения. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в марте 2010 г.^{*}, респонденты с низкой самооценкой материального положения более склонны указывать на разочарование (33% против 16% среди обеспеченных), тревогу (34% против 9% соответственно), безразличие (15% против 9% соответственно), злость (15% против 6% соответственно). Несмотря на рост позитивных настроений среди 18-24 летних респондентов, большинству россиян по-прежнему трудно жить (56%). Диаметрально различаются оценки россиян с высоким и низким материальным положением. Если первые в большинстве оценивают свою жизненную ситуацию как благоприятную (67%), то последние, напротив, сообщают, что им трудно жить (62%), а доля тех, кто крайне негативно оценивает свою жизнь, в этой группе значительно выше, нежели в среднем по выборке (27% против 11% соответственно) [9].

Согласно данным Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр) в апреле 2010 г. Индекс социальных настроений (ИСН) снизился до 110 пунктов (падение на 4% по сравнению с февралем)^{**}. С начала текущего года общественные настроения ухудшились, т.е. так не реализовался слабый положительный потенциал роста общественного оптимизма, на который были надежды в конце 2009 года. О наличии отрицательной тенденции говорить пока рано, но выжидательное состояние, характерное для настроений населения страны в последние полгода, все с большей вероятностью может закончиться развитием негативной динамики настроений [10]. Причем рост негативных настроений многие склонны связывать с последствиями экономического кризиса. Однако сравнительный анализ социального самочувствия населения, осуществленный автором на основе собственных исследований с разрывом в десять лет (в 1997 и в 2007 гг.) [11], свидетельствует о неизменности ряда характеристик за прошедшее десятилетие.^{***} Прежде всего это сохранение ощущения тревоги и неуверенности в целом у населения. Если у молодежи до 20 лет чувство тревоги снизилось, то заметно выросло равнодушие. Обращает на себя внимание тот факт, что молодежь в возрасте 20-24 года полагает, что у власти находятся

* Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 13-14 марта 2010 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

** Опрос проведен 16-19 апреля 2010, N=1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

*** Первое исследование было проведено в 1997 году. N=750 человек, в выборку попали 51,4% женщин и 48,6% мужчин; второе исследование осуществлено в 2007 г. N=725 человек, 53,4% женщин и 46,6% мужчин.

криминальные структуры, и это мнение вот уже десять лет отличается завидной устойчивостью. Следовательно, не в кризисе дело, если население в течение последних десяти лет отмечает неудовлетворенность сложившейся ситуацией в регионе и в стране в целом. Причем на региональном уровне для оценки социального самочувствия населения мы можем опираться только на авторские исследования. Централизованного мониторинга социальной ситуации в Тюменской области так и не было создано. Хотя профессор Г.Ф. Шафранов-Куцев еще в 1999 г. говорил о необходимости организации в каждом регионе мониторинга социального самочувствия для того, чтобы иметь индикаторы основных социальных заболеваний. [12; 11] Автором статьи в 2006 г. совместно с И.Л. Грошевым была предпринята попытка разработки мониторингового исследования состояния дел в правоохранительных органах с целью выявления и исключения фактов коррупции и профессионально-нравственной деформации, так как мы предвидели негативную ситуацию, которая может сложиться в скором времени в органах внутренних дел. Однако эти начинания не получили поддержки в Департаменте кадрового обеспечения МВД РФ (г. Москва), а ситуация, сложившаяся в правоохранительных органах в 2008-2009 гг., подтвердила наши печальные прогнозы (случай с майором Д. Евсюковым и др.). Государство как агент социального контроля не пожелало изменять те нормы, которые ему удобны. В результате социальный контроль оказался механизмом, сконструировавшим социальные отклонения в той среде, в которой с этими отклонениями должны бороться.

Социальные болезни не исчезают и не появляются сами собой. Они — своеобразная реакция общества на изменения, инициируемые или игнорируемые государством. Достаточно вспомнить Кодекс строителя коммунизма, попытку увеличения рождаемости путем принятия в 1918 г. нашумевшего декрета «Об отмене частного владения женщинами» [13], (вместо повышения рождаемости давший столь высокий уровень беспризорности и заболеваемости венерическими болезнями, что в 1925 г. был отменен), недавний закон о монетизации льгот и др. Непризнание и переформулирование социальных норм агентами социального контроля заведомо конструирует модальную личность с девиантными наклонностями. Если кто-то не может преобразовать общество или, наоборот, скрыто противодействовать ему, то он мысленно отстраняется от него. Прием отстранения как один из методов сопротивления социальному контролю появился по меньшей мере во времена Лао-Цзы и был развит стоиками в теорию противления. Личность, которая уходит с подмостков общества в религиозную, интеллектуальную или художественную сферы, неизбежно уносит с собой в добровольное изгнание язык, самоидентификацию и багаж знаний, полученные ранее из рук общества. Существует еще один способ избежать тирании общества — манипулирование. Индивид не стремится трансформировать социальные структуры и не отстраняется от них. Напротив, он намеренно использует их неожиданным для агентов социального контроля образом и выбирает средства, исходя из своих личных целей. Ирвинг Гофман, анализируя «карцерные сообщества» (больницы для душевнобольных, тюрьмы и другие институты принуждения), убедительно показал, как можно «заставить систему работать на себя», используя ее официально действующие механизмы непредусмотренным образом. Залученный, который работает в тюремной прачечной и подкладывает в общее белье свои носки; пациент, использующий доступность системы связи лечащего персонала для передачи личных сообщений; солдат, катающий подружек на патрульной машине, — во всех этих примерах люди, используя систему, утверж-

дают свою относительную независимость от ее деспотичных требований [3; 124]. Подобные операции проделываются тайно, в течение довольно длительного времени и имеют достаточно примеров в условиях современного российского общества. Нельзя сбрасывать их со счетов, так как они способствуют формированию и укреплению в сознании общества определенных ментальных ценностей. Теряется в глазах населения ценность личности, каждый становится своего рода девиантом.

Социальный контроль должен являться механизмом самоорганизации и самосохранения общества, а не причиной развития девиаций. Социальные нормы, регламентирующие нашу жизнь, составляют фундамент, нижнюю границу жизненных стандартов, которые в свою очередь формируют качество жизни. К сожалению, в современном российском обществе, если будет допущена дальнейшая коммерциализация образования, культуры и здравоохранения, мы будем наблюдать формирование социального гетто, поскольку бедность получит возможность закрепления и воспроизведения, а, следовательно, будет воспроизводиться и девиантность. Только стремление общества к достижению жизненных стандартов, обеспечивающих высокое качество жизни, тенденция к имманентности им обеспечивает порядок, стабильность, упрочение жизнедеятельности индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Reckless, W. The Crime Problem. N.Y.: Appleton Century-Crofts, 1955. 345 p.
2. Гриценко А.А. Институциональная архитектура: объект, теория и методология // Постсоветский институционализм: Монография / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 49-74.
3. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
4. Кистяковский Б.А. В защиту права // Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия / Под ред. д.ю.н., проф. Т.Н. Радько. М.: ИНТЕРСТИЛЬ, 1998. 944 с.
5. Гофман И. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 188-196.
6. <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?hdoc&nd=981605225&mark=r981605005>.
7. Социально-экономическое положение Тюменской области в январе-апреле 2010 года: Стат. доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2010. 321 с.
8. <http://vgn.kp.ru/daily/24472/630646/>
9. Россияне живут надеждой. Пресс-выпуск 1454. Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/socialnye-problemy/socialnye-nastroeniya-socialnoe-samochuvstvie.html>.
10. <http://www.levada.ru/press/2010021605.html>
11. Грошева И.А. Проблема организации социального контроля в России // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 4. С. 132-139.
12. Шафранов-Куцев Г.Ф. Социальные болезни переходного периода // Социально-экономические проблемы региона в переходный период. Сб. статей. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. С. 3-12.
13. Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб.: Питер, 2007. 241 с.